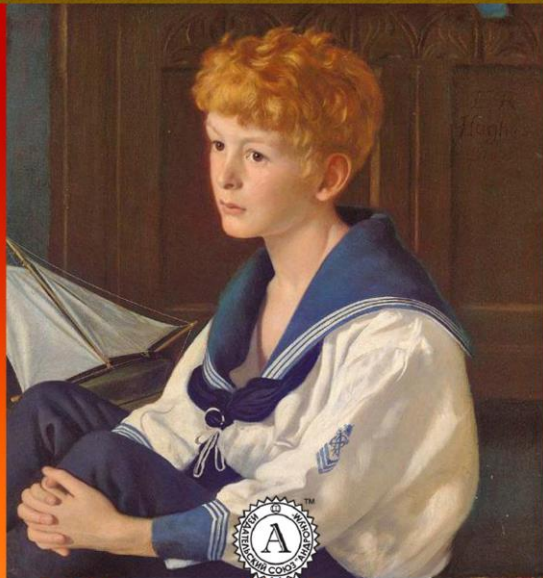

ФРЭНСИС ЭЛИЗА
БЁРНЕТТ

История
маленького
лорда

«История маленького лорда» — детский роман выдающейся англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт (англ. Frances Eliza Burnett, 1849–1924).

Юный сорванец Седрик ошеломлен неожиданной новостью: ему сообщают, что он единственный наследник знатного рода Фаунтлероев...

Другими известными произведениями Ф. Э. Бёрнетт являются «Таинственный сад», «Маленькая принцесса», «Романтические истории», «Исчезнувший принц», «Серебряные коньки», «Страна Синего цветка», «Приключения Сары Кру», «Чистое сердце» и «Хорошенькая дикарка».

Фрэнсис Элиза Бёрнетт — признанный классик детской литературы. Ее волшебные истории, наполненные приключениями, интригующими сюжетными поворотами и доброй, справедливой моралью широко известны в Америке и за ее пределами.

Фрэнсис Элиза Бернет

История маленького лорда

1. Неожиданное известие

Седрику было четыре года, когда отец его умер, — он только помнил, что папа был высокий, голубоглазый, с длинными усами и что было здорово взбираться к нему на плечи и так, верхом, кататься по комнате. Когда отец занемог, мальчика увезли из дому, а когда он вернулся, то уже все было кончено. Мама тоже тяжело заболела и только начала вставать с постели. Бледная, исхудалая, она сидела в кресле у окна, ямочки со щек ее исчезли, глаза казались большими и печальными; одета она была в глубокий траур.

— Дорогая, — сказал Седрик (его отец всегда так называл ее, и мальчик ему подражал), — дорогая, папе лучше?

Руки матери, обнимавшие его, задрожали. Седрик заглянул ей в лицо, и ему захотелось плакать.

— Дорогая, он здоров?

Вдруг маленькое любящее сердце подсказало мальчику обвить ручонками шею матери и покрыть лицо ее поцелуями. Она прижала сына к себе и горько заплакала.

— Да, — ответила она, рыдая, — он теперь здоров, ему хорошо, но мы... мы с тобой одни на свете. Совсем одни!

И как ни был Седрик мал, он смутно понял, что его красивый молодой отец больше никогда не вернется к ним, что он умер. Но он не мог постичь всего смысла смерти. Мама плакала каждый раз, когда Седрик заговаривал об отце, и мальчик решил, что лучше не поминать о нем так часто и не оставлять мать сидеть подолгу, задумавшись, у огня, а развлекать ее чем-нибудь.

У них было мало знакомых, они жили уединенно, но Седрик не чувствовал этого одиночества, и только когда вырос, то узнал, отчего у них редко бывали гости.

Круглая сирота, его мать была совсем одна на свете, когда его отец женился на ней. Она жила компаньонкой у старой сварливой леди, у которой капитан Эррол бывал. Однажды он увидел, как молодая девушка вся в слезах бежала по лестнице, и его сильно тронуло ее печальное положение. Они познакомились и полюбили друг друга. Капитан Эррол решил жениться на прелестной кроткой девушке. Эта свадьба вызвала негодование его семьи, а в особенности отца — богатого знатного старика с очень крутым характером. Он жил в Англии и ненавидел Америку и американцев. У него было еще два сына, старше капитана Седрика.

По закону Англии, старший сын получал титул отца и громадное состояние после его смерти. Если бы он умер бездетным, то наследство перешло бы ко второму сыну, так что капитан Седрик, как младший, имел мало шансов стать богатым.

Но природа одарила младшего сына всеми качествами, которых недоставало старшим братьям: он был высок, силен, красив, храбр и умен. Его светлая улыбка и доброе сердце располагали к нему всех. Старшие братья, напротив, не были ни красивы, ни добры, ни умны. Когда они учились в Итоне¹ никто из товарищей их не любил; когда поступили в университет, они мало думали об учебе, а только попусту тратили и время и деньги. Старый граф, их отец, был разочарован: наследник не делал чести его имени, и мало было надежды, что из него выйдет порядочный, благородный человек. Горько было старому графу сознавать, что только третий сын обладал и красотой, и душевными качествами, необходимыми для столь высокого положения, и что именно ему-то судьба и назначила самую скромную долю, Порой старик почти ненавидел младшего сына за то, что он, а не наследник с его несметных богатств так щедро

¹ Итон — город в Англии, известный своим первоклассным училищем для мальчиков, готовящихся в университет.

одарен природой, но помимо воли в глубине души он любил его, В припадке раздражительности он отправил его путешествовать по Америке, чтобы хоть на время удалить от себя и не видеть его превосходства над братьями, которые именно тогда очень огорчали отца своим диким поведением.

Но через полгода старик вдруг до того соскучился по младшему сыну, что написал ему письмо, в котором приказал немедленно возвратиться в Европу. Не успело оно дойти до Америки, как старый граф получил от капитана Седрика известие, что он намерен жениться на американке. Старик пришел в неопишемую ярость: он так взбесился, прочитав письмо сына, что камердинер боялся, как бы у хозяина не случился апоплексический удар. Граф целый час метался по комнате, как тигр. Потом сел за письменный стол и написал сыну, что он навсегда запрещает ему возвращаться домой и писать к нему или к братьям, что он может делать, что ему угодно, и умереть, где хочет; что для семьи он больше не существует и чтобы он никогда более не ожидал от нее какой бы то ни было помощи.

Грустно было капитану прочесть это письмо. Он любил Англию и был нежно привязан к дому, где родился, любил и старика отца, несмотря на его суровость, жалел его, когда старшие братья огорчали и обманывали надежды отца, но он знал

также, что теперь ему уже нечего надеяться на помилование. Сначала он не знал, что предпринять; он был воспитан не для трудовой жизни, но решимости и силы у него было достаточно. Итак, он продал свое место в армии² нашел себе занятия в Нью-Йорке и женился. Переход его от прежней жизни в Англии к теперешней был резкий, но он был молод, счастлив и надеялся на будущее. Он купил себе скромный домик на тихой улице; там, в простой, но изящной обстановке, родился его мальчик, и он ни минуты не жалел, что женился на хорошенькой компаньонке старой леди; жена его была женщина кроткая, милая, и они всем сердцем любили друг друга.

Несмотря на то что маленький Седрик родился в таком скромном домике, он казался самым счастливым ребенком в мире. Он был всегда здоров и не доставлял никому огорчений, был красив, как картинка: с густыми вьющимися волосами, большими карими глазами и длинными ресницами; девяти месяцев он уж стал ходить сам на своих крепких ножках. Когда его возили в колясочке по улице, прохожие останавливались, чтобы полюбоваться им. Все, кто жил на этой

² В Англии офицерский чин покупался, и желающий выйти в отставку мог его продать.

улице, знали его и любили, даже бакалейщик, которого считали самым несносным существом в мире, радовался при его появлении и всегда разговаривал с ним. Когда мальчик смог уже сам ходить по улице с няней, везя за собой игрушечный фургончик, он был так хорош в своем белом костюмчике и большой белой шляпе на белокурых вьющихся волосах, что привлекал общее внимание. Няня гордилась им и, возвращаясь с прогулки, рассказывала его матери, что богатые дамы выходили из кареты, чтобы поговорить и полюбоваться им, и что они удивлялись его обаянию и непосредственности: он разговаривал с ними так, как будто всю жизнь их знал. Седрик был очень доверчив и имел доброе сердце, которое рано стало понимать чувства других. Может быть, это природный дар, а может, и следствие того, что рядом с ним были любящие родители и он никогда не слышал грубого, сурового слова. Он видел, как отец нежно обращался с женою, и он точно так же вел себя с нею, стараясь во всем подражать отцу.

Когда Седрик понял, что отец не возвратится к ним больше, и видел, как мать его печальна, он старался развлекать ее, как мог; садился к ней на колени, обнимал, клал свою кудрявую головку к ней на плечо или приносил свои игрушки и картинки и тихо играл у ног матери. Ничего другого он не мог придумать, но и это уже было

большое утешение для молодой вдовы.

— Мэри, — говорила она своей старой служанке, — знаю, что он хочет меня утешить: он смотрит на меня таки любящими, удивленными глазами, как будто ему меня жаль. Он ласкается ко мне, старается занять... Я уверена, что он меня понимает.

Подрастая, Седрик все больше и больше придумывал средств развлекать свою мать, и она в другом обществе не нуждалась! Пяти лет он начал учиться читать, и когда выучился, то по вечерам читал вслух свои детские книги, а иногда даже и газеты, и Мэри из кухни слышала, как миссис Эррол смеялась его замечаниям. Мэри очень любила мальчика и гордилась им; она была единственная прислуга в доме, исполняла должность няни, кухарки, горничной и охотно сидела поздно по вечерам, помогая миссис Эррол шить костюмчики для сына.

— Смотрите, — говорила она своим знакомым, — как он хорош в своем черном бархатном костюме, выкроенном из старого платья матери, точно маленький лорд!

Седрик и не знал, что такое лорд. Его лучшим другом был мистер Гоббс, торговец бакалейными товарами, его лавка была недалеко от дома, где жили миссис Эррол с сыном, на углу улицы. Седрик очень его любил, уважал и считал, что он

очень богатый и знаменитый человек — так много у него было всякого добра: апельсинов, чернослива, инжира и всякого печенья, и к тому же у него была своя лошадь и фургон. Седрик любил и молочницу, и булочника, и старуху, торговавшую яблоками, но предпочитал всем мистера Гоббса. К нему он ходил каждый день и подолгу с ним беседовал.

Удивительно, право, о чем это мистер Гоббс находил говорить с мальчиком! Он ему рассказывал о революции в Америке, о войне за ее независимость, о героях этой войны, о подлости неприятеля и патриотизме американцев. Седрик, слушая, так волновался, что глаза его горели, щеки пылали, в возбуждении он ерошил волосы, так что его красивые кудри становились похожими на копну. От мистера Гоббса впервые Седрик услышал о политике; бакалейщик-читал ему газеты и рассказывал, что происходит в Вашингтоне, исполняет президент свои обязанности или нет. Седрику шел восьмой год, когда мистер Гоббс взял его с собой, чтобы показать факельное шествие по случаю выборов. Позднее многие участники этой процессии вспоминали, что видели толстого мужчину у фонарного столба, а на плечах у него кудрявого мальчика, который приветствовал шествие, махая шляпой.

Вскоре после этих выборов произошла удивительная перемена в жизни Седрика. Странно,

что она случилась именно в тот день, когда мистер Гоббс много говорил ему про Англию, про ее правительство и строго осуждал английскую аристократию и особенно резко отзывался о графах и маркизах. Было очень жаркое утро; Седрик, поиграв в солдатика с товарищами, вошел в лавку отдохнуть, Мистер Гоббс был в большом раздражении, глядя на рисунок в газете, изображавший придворную церемонию в Англии.

— Вот чем они забавляются! — сказал он с досадой. — Но недолго им важничать, американцы когда-нибудь да возьмут верх над всеми этими графами и маркизами!

— А много вы в своей жизни знали маркизов и графов? — спросил Седрик, который вскарабкался, как всегда, на высокий табурет, сдвинул шляпу на затылок и засунул руки в карманы.

— Нет, — отвечал возмущенно мистер Гоббс, — но хотел бы я поймать одного из них! Посмотрел бы я, как он посмеет сесть около моих бочонков с сухарями!

— А может, они отказались бы быть графами, если бы знали что-нибудь получше, — заметил Седрик, чувствуя некоторую жалость к этому несчастному сословию.

— Ну как же!.. — отвечал Гоббс. — Их прямо-таки распирает от гордости за свои титулы!

Все они такие!

В разгар этой беседы в лавку вошла Мэри. Седрик думал, что она пришла купить сахара, но нет, она была бледна и взволнованна.

— Пойдемте домой, мой милый, — сказала она, — мама зовет.

Седрик спрыгнул с табурета.

— Она хочет пойти погулять со мной, Мэри? — спросил он. — До свидания, мистер Гоббс, я приду опять.

Он удивился, что Мэри в немом изумлении глядела на него и все качала головой.

— Что такое случилось, Мэри? — спросил он. — Вам очень жарко?

— Нет, но у нас случилась странная вещь...

— Не заболела ли у моей дорогой голова от жары? — спросил Седрик заботливо.

— Нет, не то...

Когда они дошли до дому, у крыльца стояла коляска и кто-то в маленькой гостиной разговаривал с мамой. Мэри увлекла мальчика наверх, чтобы переодеть в лучший костюм, повязала ему широкий красный пояс и расчесала локоны.

— Господи! Вот оказия-то! — бормотала она. — И это все аристократы и лорды! Ох! Тем хуже — проку в них нет!

Все это очень озадачило Седрика, но он был

уверен, что мама все ему растолкует, и не стал больше расспрашивать Мэри.

Когда он был готов, то сбежал вниз и вошел в гостиную. Высокий худой старик с острым лицом сидел в кресле. Мать Седрика, бледная, со слезами на глазах, стояла рядом.

— О, Седди! — воскликнула она и побежала навстречу мальчику, обняла его и, взволнованная, испуганная, стала целовать.

Старик встал и поглядел на Седрика своими пронзительными глазами, потер острый подбородок костлявой рукой. Казалось, он остался доволен.

— Так это, — сказал он медленно, — маленький лорд Фаунтлерой?

2. Друзья седрика

Следующая неделя была полна для мальчика самых неожиданных, странных, удивительных впечатлений. Седрик был поражен всем, что слышал. Мама несколько раз повторяла ему свой рассказ, пока он наконец все понял. Что-то скажет обо всем этом мистер Гоббс? Речь все шла о графах: дедушка Седрика, которого он никогда не видел, был графом; старший дядя мальчика, если бы не убили до смерти, упав с лошади, был бы со временем тоже графом; после его смерти второй дядя сделался бы графом, но он внезапно умер от

лихорадки в Риме. После них отец Седрика, если бы был жив, унаследовал бы графский титул, но так как все они умерли и остался один Седрик, то именно он стал наследником всего дедушкиного состояния и после смерти старика должен будет получить титул графа, — а пока он только лорд Фаунтлерой.

Седрик побледнел, когда впервые узнал об этом.

— О, дорогая! — воскликнул он. — Я не хочу быть графом. Никто из моих товарищей не граф. Не могу ли я отказаться?

Но это оказалось невозможным. Вечером в этот знаменательный день, сидя у окна и глядя на маленькую тесную улицу, они долго разговаривали с матерью. Седрик сидел на скамеечке для ног в своей любимой позе, обхватив руками одно колено, лицо его пылало от напряженной работы мысли. Дедушка прислал за ним, и мама говорила, что он должен ехать в Англию.

— Я знаю, — сказала она, печально глядя в окно, — что твой отец пожелал бы, чтобы ты ехал, Седди. Он очень любил свою родину. Многого ты пока не можешь понять. Я должна тебя отпустить, иначе я поступить не могу. Когда вырастешь, ты это поймешь.

Седрик грустно покачал головой.

— Мне жаль расставаться с мистером

Гоббсом, — сказал он. — Боюсь, он будет скучать без меня, а я без него. Мне всех жаль...

Когда мистер Хэвишем, поверенный графа Доринкорта, дедушки Седрика, присланный им за мальчиком, пришел на другой день, ребенок многое узнал от него. Но мысль о том, что со временем он сделается богатым, будет иметь много замков, парки, обширные земли, шахты и фермы — вовсе его не утешала. Он озабоченно думал о своем друге мистере Гоббсе и сразу после завтрака отправился к нему в лавку. Гоббса он застал за чтением газет и подошел к нему в большом беспокойстве, чувствуя, что все, что с ним случилось, будет тяжелым ударом для его друга; дорогой он обдумал, как объявить об этом.

— А! — воскликнул мистер Гоббс, увидав Седрика. — Доброе утро!

— Здравствуйте, — ответил Седрик и не полез, по обыкновению, на высокий табурет, а сел на ящик с сухарями, обхватив колено, и несколько минут молча глядел на Гоббса, так что тот наконец тревожно посмотрел на него поверх газеты.

Седрик собрался с духом.

— Мистер Гоббс, — начал он. — Помните, про что вы мне вчера утром говорили?

— Кажется, про Англию, — отвечал мистер Гоббс.

— Да, но что именно вы говорили, когда

Мэри вошла?

Гоббс почесал в затылке.

— Мы, кажется, говорили о королеве Виктории и об аристократии.

— Да, — нерешительно произнес Седрик, — и про графов, помните?

— Как же, — согласился Гоббс, — мы немного задели их, не так ли?

Седрик сильно покраснел. Никогда в жизни он не был в таком затруднительном положении. К тому же он боялся смутить мистера Гоббса.

— Вы говорили, что ни за что не позволили бы ни одному из аристократов сидеть на вашем бочонке с сухарями.

— Точно! — гордо отвечал Гоббс. — Пусть-ка попробуют — я им!

— Мистер Гоббс, на вашем ящичке сидит лорд...

Гоббс подпрыгнул на стуле.

— Что? — воскликнул он.

— Да, — скромно объяснил Седрик, — я лорд и со временем буду графом, не хочу скрывать это от вас.

Гоббс испугался; он поспешно встал и пошел искать термометр.

— Наверно, вам напекло голову, — сказал он, возвращаясь и пристально глядя на Седрика. — Нынче ужасно жарко. Как вы себя чувствуете? Не

болит голова?

Он положил свою большую руку на лоб мальчика.

— Благодарю вас, — ответил Седрик, — я совершенно здоров. Г олова моя в порядке. Мне очень жаль, что все, что я вам сказал, — сущая правда, мистер Гоббс. Вот для чего Мэри пришла за мной. Мистер Хэвишем говорил с мамой — он поверенный дедушки.

Гоббс опустил в кресло и вытер лоб платком.

— Один из нас с ума сошел! — воскликнул он.

— Нет, — возразил Седрик, — нет, нам надо будет с этим смириться — мистер Хэвишем специально приехал из Англии. Дедушка прислал его за мной...

Гоббс смотрел в изумлении на серьезное личико.

— Кто ваш дедушка?

Седрик вынул из кармана бумагу, исписанную неверной рукой.

— Я так не мог запомнить и записал вот здесь. — И прочел громко: — «Джон Артур Молино Эррол граф Доринкорт». Так зовут дедушку. Он живет в замке; у него два или три замка, кажется. Мой папа, который умер, был его младшим сыном. Если бы папа был жив, я бы не

был ни лордом, ни графом. И папа не мог бы быть графом, если бы два его старших брата не умерли. Но они оба умерли, и, кроме меня, нет другого мальчика в семье. Вот дедушка за мной и прислал.

Гоббсу становилось все жарче, он стирал пот со лба и тяжело дышал. Он начинал понимать, что случилось что-то необыкновенное, но, видя, что в мальчике нет никакой перемены, что он сидит на ящике с сухарями с тем же невинным взглядом, как и вчера, — все его представления об английской аристократии перепутались в голове. Еще больше он был смущен тем, что Седрик с невинной простотой рассказывал ему о перемене, происшедшей в его судьбе, не понимая, насколько она важна.

— Как вы сказали? Повторите, как теперь ваше имя? — спросил Гоббс.

— Седрик Эррол, лорд Фаунтлерой. Так назвал меня мистер Хэвишем. Когда я вошел в комнату, он сказал: «Так это маленький лорд Фаунтлерой!»

— Так, — сказал мистер Гоббс. — Черт меня подери!

Он всегда так выражался, когда был ошеломлен или взволнован чем-нибудь. Седрик находил, что это вполне подходящее выражение. Он так уважал мистера Гоббса, что восхищался всем, что он ни говорил. Конечно, свою маму он

ставил выше лавочника, но ведь леди должна вести себя иначе, чем мужчина.

Он внимательно посмотрел на Гоббса.

— А далеко отсюда до Англии? — спросил он.

— Надо переплыть Атлантический океан, — отвечал Гоббс.

— Это плохо, — заметил Седрик, — вероятно, я тогда вас долго не увижу, мистер Гоббс. Подумать страшно.

— Лучшие друзья не должны расставаться, — грустно проговорил Гоббс.

— А мы ведь давно с вами дружим, правда? — сказал Седрик.

— С самого вашего рождения. Вам было недель шесть, когда вас в первый раз вынесли на эту улицу.

— Никогда не думал, — вздохнул Седрик, — что буду когда-нибудь графом!..

— Вы считаете, — спросил Гоббс, — что этого нельзя избежать?

— Боюсь, что нет. Мама говорит, папа желал бы, чтобы я так поступил. Одно я могу сделать: если уж необходимо, чтобы я был графом, постараюсь быть хорошим графом. Я не сделаюсь жестоким, и, если опять затеется война с Америкой, я буду против.

Разговор друзей длился очень долго. После

первого потрясения Гоббс, против ожидания, смягчился; он старался примириться с обстоятельствами, и, прежде чем беседа закончилась, он задал Седрику множество вопросов, на которые сам же и отвечал, так как мальчик не сумел этого сделать. Говоря о маркизах и графах и их поместьях, лавочник объяснил маленькому лорду много такого, что удивило бы самого мистера Хэвишема.

Мистеру Хэвишему пришлось многому удивляться. Он всю жизнь провел в Англии, вовсе не знал ни Америки, ни американских обычаев. Он сорок лет занимался делами семейства графа Доринкорта, знал их обширные поместья, несметное богатство и все значение их и потому холодно, по-деловому интересовался ребенком, который со временем должен был стать владельцем всех этих богатств и носить титул графа Доринкорта. Ему было известно о горьком разочаровании, испытанном графом со старшими сыновьями, о страшном гневе его из-за женитьбы младшего сына на американке; он знал, что до сих пор старик ненавидит молодую вдову и говорит о ней сурово и жестоко, уверяя, что она только из расчета вышла за капитана Седрика, проведая, что его отец граф. Старый поверенный думал, что это правда, — он знал много алчных, расчетливых людей и не был хорошего мнения об американцах.

Когда он проехал по узкой, неприглядной улице и остановился у дверей скромного домика, он был неприятно поражен. Ему казалась ужасной мысль, что наследник трех великолепных замк эдидся и вырос в этом убогом домишке, на мещанской улице, где на углу находилась лавка со съестным товаром.

Какими же окажутся мальчик и его мать, гадал мистер Хэвишем. Он боялся знакомства с ними. Поверенный гордился семейством, делами которого он так долго управлял, и ему больно было бы, если бы женщина оказалась необразованной, падкой на деньги, без всякого понятия о чести.

Когда Мэри ввела его в маленькую гостиную, он осмотрел ее критическим взглядом; все было просто, но уютно, не было ни дешевых безвкусных украшений, ни дешевых ярких картин на стенах, скромное убранство было изящно.

«Недурно, — подумал мистер Хэвишем, — но, вероятно, все это заведено капитаном».

Но когда миссис Эррол вошла в гостиную, ему стоило усилия, чтобы не выказать своего изумления: в простом черном платье, облегающем стройную фигуру, она больше походила на молоденькую девушку, чем на мать семилетнего мальчика. Она была очень красива, но печаль не покидала ее нежного лица со смерти мужа. Опытный поверенный умел быстро различать и